

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я полагал, что о мафии знаю все, как считает всякий более или менее культурный и внимательно читающий газеты сицилиец. Следил я за тем, что поведал Томмазо Бушетта,[1] в результате многословного покаяния которого его бывшие друзья и единоверцы заработали 2665 лет тюремного заключения.

Но та мафия, о которой рассказывал Бушетта, это мафия высокопоставленная, она далека от нас, и черты ее расплывчаты. О другой же, с которой мы имеем дело каждый день, но которой не знаем, мне рассказал в течение целого ряда встреч, по-театральному таинственных и в то же время драматических, один человек, «Семья» которого была полностью истреблена Корлеонцами и их союзниками, сумевшими всего за несколько лет установить на острове своего рода «пакс романа», [2] чего прежде никто даже и не пытался достигнуть. С тех пор оружие в Палермо «говорит», адресуясь лишь к верным слугам Государства и агентам, засланным в ряды мафии, осведомителям или бывшим, уже ненужным более союзникам.

Из этого рассказа (причем сам рассказчик не сознает его исторической ценности) постепенно встает перед глазами картина эволюции «спрута» — от старой, привычной мафии, орудовавшей в сельской местности, на латифундиях со времен, последовавших за изгнанием Бурбонов, [3] к уже почти урбанизированной «садовой» [4] мафии, к невероятно жестокой мафии незаконного строительства, до, быть может, окончательной ее формы — мафии, связанной с политикой и опьяненной миллиардами, нажитыми на торговле наркотиками.

На протяжении всего повествования слово принадлежит одному лицу — самому рассказчику. Сперва совсем юному, который еще не в состоянии понять, что происходит вокруг него и с ним самим, и наивно восторгается идеологией, ос-

нованной в большей степени на уважении к личности, чем на уважении к деньгам, капиталу, на главенстве личного престижа, а не обреза, — и все это неизменно в рамках «правил», нигде не записанных, но абсолютных, безоговорочных, как евангельские заповеди. Потом — постепенно взрослеющему, более зрелому, теряющему иллюзии, но также и более опытному, осмотрительному. Мир, в который он верил, изменился, оставив его в рубцах и шрамах. И совсем одного.

Вот содержание этой книги: история, увиденная снизу, путь, пройденный в первом лице от лагифундии до героина, исповедь без покаяния. Я записал и обработал этот рассказ, ни на шаг не отходя от фактов и стремясь как можно ближе «передать» язык рассказчика.[5] Быть может, больше, чем хотелось моему собеседнику, я старался уделить внимание начальным этапам его жизни, тому «отпечатку», который наложила мафия на формирование его личности и поведение.

В конце концов между рассказчиком и мною — тем, кто записывал его рассказ, возникла некая странная внутренняя связь, если не общность чувств. Сперва я пытался ее замаскировать, поскольку она меня тяготила, мешала работать, а также из опасения, что мою готовность, более того, страстное желание понять этого человека могут принять за «соучастие», за идейную с ним близость.

А потом я отбросил эти опасения. И если вместо обычных рецензий книга вызовет морализаторскую полемику, что же, терпение! По крайней мере, не будет скрыто то, чему жизнь учит всех, кто не глух и не слеп к ее урокам: истину можно найти и в аду, а ложь — в раю.

Автор

I

Из моего селения моря не видать. Его построили на горе, как обычно делали в древности, и вокруг — другие горы. Летом тут слишком жарко, а зимой слишком холодно. Нынче, при теперешних дорогах, до ближайшего приморского города можно домчаться на машине за каких-нибудь полчаса, а во времена моего детства до моря было не добраться и за шесть часов на бричке или за два на автобусе, который развозил почту. Я впервые увидел море, когда мне было уже лет пятнадцать.

Мой дядюшка Бартоло был бродячий торговец и знал все селения нашей провинции как свои пять пальцев. Это был своеобразный человек, всем-то он всегда был доволен. Он любил рассказывать о том, что ему довелось повидать в его странствиях. И рассказывал он так гладко, ну прямо тебе народный сказитель, причем умел с ходу придумать что-нибудь этакое, чего ему не хватало для байки. Мой отец считал его легкомысленным и называл «попрыгунчиком» — у него не было ни кола ни двора, он не завел семьи и избегал в жизни всякой ответственности. А мать — его сестра — говорила, что он «с приветом» с самого детства. Но тем не менее, когда он заходил нас провести и начинал свои рассказы, оба они — и мать, и отец — слушали его, раскрыв рот. И всякий раз, когда он заканчивал очередную историю, тоже, как и мы, ребяташки, покатывались со смеху.

Дядюшка Бартоло — на нашем диалекте произносят «дзу Вартулу» — частенько рассказывал мне о море, и я понял, что оно, должно быть, и в самом деле большое. Но я хорошо знал, что дядюшке ничего не стоит присочинить, и поэтому все же не очень-то ему верил. А потом, после того как мы целое утро тряслись под жарким солнцем в повозке, я так устал, что уснул. И вдруг, когда дорога пере-

стала круто лезть вверх, дзу Вартулу разбудил меня, стукнув по лбу кнутовищем, и сказал:

— Ну-ка, погляди туда!

До самого берега я не произнес ни слова, так был растерян. Он шутил и смеялся, а я как язык проглотил. Потом он велел мне никуда не отлучаться и даже не думать купаться. Я должен был сидеть там, где он меня оставил, и ждать, пока он управится с какими-то своими делами. Стояла жара — был конец мая, подошло уже время обеда, вокруг почти никого не было видно. Я опустился на песок, но сразу же вскочил, так как волна подкатила к самым моим ногам. Потом понял, что это не опасно: она тут же откатилась назад. Но я никак не мог прийти в себя, голова у меня шла кругом.

Вскоре мимо прошли двое парней чуть постарше меня, в трусах, с загорелыми дочерна ногами. Я взглянул на них, чтоб узнать, смотрят ли они на меня. Мне хотелось задать им уйму вопросов — уж они-то, наверно, знали все насчет моря. Но я боялся показаться дураком. Отец всегда говорил, что самое лучшее слово — это то, которое ты не произнес. И этого я никогда не забывал.

Когда дядюшка вернулся, я бросился бегом ему навстречу и широко, как Иисус Христос, развел руками, желая сказать: с ума сойти! А он радовался и смеялся с таким довольным видом, словно море он изготовил собственными руками, и все спрашивал, что я «обо всем этом» думаю. Самым странным мне казалось, что вода, вместо того чтобы бежать вдоль берега, как я до того всегда видел, бежит навстречу берегу, прямо на пляж, все поднимается, поднимается, но так на него и не выплескивается. Когда я это сказал, дядюшка стал хохотать еще пуще.

— Ох, пустая твоя башка!

На обратном пути дорога почти все время шла вверх. Так как уже смеркалось и я до смерти устал, дзу Вартулу думал, что я сразу же усну. А я все никак не мог успоко-

иться и продолжал свои расспросы о море, о рыбах, о бурях. И поскольку даже и сам он знал далеко не все, дя-дюшка вдруг рассердился и снова стукнул меня кнутовищем:

— Да спи же ты!

Из пятерых детей я был самым младшим. Отец батрачил, нанимаясь понедельно, но у нас было два тумоло[6] своей пахотной земли. Тогда все участки были одинаковы: пшеница да миндальные деревья. И там, где господь бог послал хоть немножко воды, — маленький огородик. В поле дома у нас не было — лишь шалаш из тростника, и, когда приходило время пахать, сеять и жать, я, отец и двое братьев спали в этой хижине. Жили по-мужски, без женщин, которые бы нам стирали и готовили обед. В полдень и вечером — хлеб с оливками и луком, а после трапезы — глоток вина, также и для меня.

Отец тут казался другим человеком. Дома он почти никогда с нами не разговаривал: всегда такой серьезный, он не желал слышать болтовни. Есть у нас было принято из одной большой миски, стоявшей посреди стола, жестяной ложкой, потому что готовили всегда короткую лапшу или вермишель — с томатным соусом, зеленым горошком, бобами, смотря какое было время года. В поле же по вечерам мы разжигали костер и садились вокруг поджаривать черные маслины. И тогда отец принимался рассказывать нам про прежние времена, про свое детство, про своего отца и деда, который видел вблизи дона Пеппино[7] Гарибальди. И он всегда был весел, болтал и шутил со всеми нами тремя, даже со мной, который был младше всех.

Потом семья распалась, словно ее развеял ветер. В один прекрасный день Борино, старший брат, объявил, что собирается уехать в Аргентину. То было время отъездов: исчезали целыми семьями. В Аргентине, говорили, найдется работа и земля для всех, кому надо. Отец предупредил Борино: кто выйдет через эту дверь, пусть и не думает потом

возвращаться. Мать тайком вытирала слезы и молчала. Как-то в воскресенье в дверь постучал вербовщик, и Борино ушел. Поскольку писать он не умел, он никогда нам не слал писем и мы о нем больше ничего не слышали.

Сестренка Ассунтина умерла совсем маленькой от менингита, и я ее уже не помню. Другая сестра — Джина — вышла замуж за одного из наших односельчан, который поступил работать на завод в Грульяско, возле Турина. Поскольку когда она уехала, ей было шестнадцать, а мне семь, а потом десять лет мы не виделись, особой близости между нами не было. Как-то я ее навестил, но ее муженек, мой зять, — темный, неотесанный мужик, вообразивший о себе неизвестно что, — один из тех, которые думают, что стали настоящими «кукурузниками»[8] только потому, что живут на Севере. Поэтому, чтобы не нарушать мира в ее семье, к сестре я больше не ездил, но время от времени посылаю какой-нибудь подарочек для нее и ее дочек, хотя ни одной из них она не дала имени нашей матери.

Другой мой брат был замечательным парнем. Его звали Тото. Он тоже далеко уехал — в Бельгию. Он был шахтером, работа тяжелая, но платили очень хорошо. Тото когда писал сам, когда просил написать письмо кого-нибудь из надежных друзей. Он присылал немножко денег и каждое лето обязательно проводил дома, в родном селении, две недели и привозил всем подарки, которые мать хранила в бельевом сундуке у себя под кроватью. Когда Тото погиб на шахте, я, по счастью, начал зарабатывать и мог помогать родителям, потому что отец из-за болезни и возраста уже не в силах был работать поденщиком, а на урожай с каких-то двух тумоло не прокормишься.

На поденщину отцу пришлось пойти после того, как Кавалер,[9] который тридцать лет давал ему работу, неожиданно продал свои земли. Я начал после школы ходить батрачить вместе с отцом. До третьего класса начальной школы я учился у одной и той же учительницы, которая

ся подождать какую-нибудь приезжую, когда будет ярмарка. Любая из них лучше Марианнины.

Но другого случая так и не представилось. Борино всю зиму не мог найти работу. Это было трудное время: даже не удавалось устроиться каменщиком или овчаром. А потом однажды ночью случилась беда с мулом, который издох, не успев даже замычать. И так как кто-то из соседей, желая нам досадить, немедля настучал, сразу же заявился санитарный инспектор и сказал, что животное нельзя сдать на мясо, потому как неизвестно, отчего оно сдохло и, возможно, вообще было больное.

Вот так собралось одно к одному, и весной Борино навсегда отправился за океан. Через два года нас покинул и Тото, но настоящим старшим братом для меня был Борино, и, пока он не уехал, меня все должны были уважать. Конечно, я и сам мог за себя постоять, но парни постарше в нашем квартале, которые раньше меня не трогали, теперь, случалось, меня задевали. Я пытался давать сдачу, но обычно мне от них крепко доставалось, а потом дома я получал еще и остальное, так как мой отец был не из тех, кто, когда сын приходит домой с разбитым носом, хватается за мотыгу и бежит искать отца обидчика.

Отец же, который был слишком добрым и благородным человеком и рано умер именно из-за того, что был слишком добрым и благородным, набрасывался на меня и кричал, что это я затеваю драки, так как не хочу работать, и что у меня плохой характер, что я как бешеная собака. Вот так он отдал меня в помощники к одному огороднику, но работал я не за деньги, а за торбу овощей, которую тот давал, когда ему вздумается. Вскапывать огород мне нравилось, потому что работать было не жарко — всегда стоишь по щиколотку в воде. Однако огородник был бедняк и сам еле мог прокормиться, а за малейшую оплошность орал на меня и давал попробовать прута. А так как однажды он попытался дать мне попробовать еще кое-что, я к нему боль-

ше не пошел. И за это мне досталось от отца палкой, потому что я стыдился сказать ему истинную причину, а он считал, что я просто не желаю работать.

Не надо думать, что дзу Вартулу между тем совсем исчез и больше не показывался. Приходить-то он приходил по-прежнему, но с тех пор как уехал Борино, атмосфера у нас дома переменилась. Он теперь не засиживался: поздоровается и уйдет. И так как видел, что в доме нет ни гроша, тайком совал что-нибудь сестре. Я это знаю, так как однажды сам видел.

Мать тратила эти деньги очень хитро. Она покупала то, что дома уже было: оливковое масло, муку, фасоль. Таким образом, отец ничего не замечал и, более того, был доволен, что продуктов хватает так надолго. Иногда она покупала и какое-нибудь платьице или пару американских туфель для моей сестры Джины, а на ярмарке — разные хозяйственные мелочи, которых мужчины не замечают, так как не обращают на них внимания. Однажды отец увидел, что сковородка у нас новая, но мать сказала, что выменяла ее на несколько горстей фасоли, как тогда было в ходу.

Однажды зимним вечером дзу Вартулу притащил корзину мушмулы и полголовы твердого овечьего сыра. Он всегда так делал, когда оставался у нас ужинать и ночевать, не желая быть в тягость. Раньше, до того как уехал Борино и еще была жива сестра Ассунтина, он отправлялся ночевать на постоялый двор. Но теперь у нас было достаточно места и мать радовалась, когда дядя оставался на ночь. Уже засыпая, я вдруг услышал, как он спросил моего отца:

— А Джованнино что делает?

— А что ему делать? Когда есть работа, беру его с собой. Иначе весь день будет болтаться на улице.

— Ну раз так, то денька на четыре увезу-ка его с собой я, — заявил дядюшка, заканчивая разговор. Он всегда умел добиться своего: когда ему не хотелось спорить, он

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I	5
II	16
III	30
IV	40
V	50
VI	60
VII	80
VIII	87
IX	100
X	110
XI	121
XII	130
XIII	142
XIV	150
XV	160
XVI	170
XVII	179
XVIII	195
XIX	204
XX	213
XXI	220
Послесловие	226
Примечания	233

